

— Это было где-то здесь.

Чжухо потерялся. Он должен был уйти в спешке из-за плана, разработанного в последнюю минуту. Хотя ему удалось добраться до издательского района, из-за огромного количества книжных кафе вокруг было трудно найти место встречи, поэтому он достал свой телефон, чтобы спросить у Нам Гён дорогу.

Он последовал указаниям по телефону и вошел в переулок.

— Эй, я здесь!

Нам Гён махал рукой перед зданием. Это было кафе, фасад которого был полностью сделан из стекла. Синяя вывеска встретила с глазами Чжухо.

— Не думал, что ты попросишь меня выйти так скоро.

— Господин Ом — человек действия.

«Хорошо».

Чжухо смог это понять по тому, как он попросил о встрече.

Он и Нам Гён вошли в кафе. Книги внутри привлекли его внимание. Это книжное кафе уделяло больше внимания книжному аспекту, чем другие. Это должно было быть, потому что это было в издательском районе.

Оглядевшись, Чжухо нашел мужчину лет тридцати. Он сидел с прямой осанкой и писал. Он был сосредоточен. Пустое выражение его лица производило слегка жесткое впечатление.

«Должно быть, это он, Донг Гиль Ом».

Как и ожидалось, Нам Гён подошел к мужчине.

— Господин Ом, это Ён У.

Услышав голос Нам Гёна, мужчина остановил руку и медленно поднял глаза на лицо Чжухо. Затем он некоторое время внимательно смотрел и сказал:

— Как дела, господин.

Хотя Чжухо был намного моложе, Дон Гиль Ом приветствовал его с уважением. Чжухо поздоровался и сказал, чтобы он не беспокоился о вежливости. Дон Гиль согласился, ничего больше не сказав. Он действительно был человеком действия.

— Я Чжухо Ву. Я бы предпочел Чжухо, а не Ён У.

— Конечно.

Нам Гён предложил заказать что-нибудь выпить, и все трое выбрали горячий американо.

— Они продают торты по кусочкам. Хотите один?

— Я буду есть с благодарностью.

С довольной улыбкой Нам Гён заказал два кусочка торта. Дон Гиль Ом почтительно отклонил предложение Нам Гёна, потому что он не любил сладкое. Вскоре появились пирожные и американо. Чжухо съел свой торт, а Нам Кён догнал Дон Гиля. Все было вкусно.

Как только они закончили, Дон Гиль перевел взгляд на Чжухо. Чжухо воспринял это как намек и начал разговор.

— Я слышал, тебе было любопытно, как я выгляжу.

Дон Гиль признался:

— Да. Я был удивлен тем, насколько ты молод. Теперь, когда я вижу тебя лично, ты действительно выглядишь на свой возраст. Мне очень понравилась твоя работа.

Чжухо поблагодарил его с улыбкой. Было приятно получить комплимент от известного автора, написавшего несколько бестселлеров. Вероятно, в будущем он продолжит писать больше.

— Я сам читал довольно много ваших книг.

— Правильно ли это? Я думаю, они могли быть немного серьезными для студента.

Это было правдой. Книги Донг Гиля были определенно более серьезными, возможно, до недостатка. Однако Чжухо предпочитал именно такие книги.

— Я тоже фанат Хемингуэя.

Жесткое лицо Дон Гиля немного расслабилось.

— Хемингуэй — великий писатель. Он есть в моем списке вещей, которые мне явно нравятся. У меня это есть в блокноте.

Чжухо моргнул на секунду. Что?

— Что в этом списке?

— Это список вещей, которые мне явно нравятся.

Все было именно так, как он сказал. Чжухо подумал о своей первой встрече с Дон Гилем, когда он вошел в кафе и спросил:

— Итак, ты работал над этим списком до того, как я пришел сюда?

— Это был дневник.

Он написал совсем немного. Это объясняло, почему он был автором.

— Не слишком ли рано для ведения дневника?

— Это мой дневник, поэтому я решаю, когда его писать.

Он был прав. Среди авторов были и те, кто имел привычку вести дневник. В случае с Дон Гилем его жесткое выражение лица и ведение дневника представляли собой интересную смесь. Его это вполне устраивало.

— Мужчина лет тридцати, который ведет дневник, какой уникальный!

«Кроме того, что в этом списке?» — подумал Чжухо, ведь никогда не слышал о таком списке. «Почему он составляет такой список?»

— Что заставляет вас писать такой список?

— Я хотел знать, что мне явно нравится.

— Вы любите, чтобы вещи были четкими?

— Нравится мне что-то или не нравится, здесь не имеет значения. Я просто пытаюсь лучше узнать себя.

Чжухо вспомнил старую поговорку «познай самого себя».

— Вы увлекаетесь Сократом?

— Я не ненавижу его.

Казалось, что Дон Гиль был гораздо более необычным, чем представлял себе Чжухо.

Во время короткой паузы в их разговоре Чжухо воспользовался возможностью, чтобы еще раз откусить от торта, а Дон Гиль поднес чашку ко рту.

— Вы помните свой самый первый опыт Хемингуэя? — спросил Донг Гиль.

Чжухо задумался, пока пирожное во рту не соскользнуло с языка. Не потребовалось много времени, чтобы вспомнить свой первый опыт знакомства с уникальным стилем Хемингуэя, и он вспомнил, как был поражен им.

— Это был рассказ под названием «Убийцы».

— Этот особенно сваренный вкрутую.

— Я знаю. Вот почему я так отчетливо ее помню. Я никогда не встречал книги с таким скудным эмоциональным описанием.

Рассказ был частью сборника. Два наемных убийцы пытались убить человека. Это была иррациональная ситуация. Об этом узнали три человека. К этому относились безразлично, потому что это не имело к нему никакого отношения. Другой воспринял это как обычное дело. Наконец, последний человек сопротивлялся. Человека, который решил сопротивляться, звали Ник. Ник нашел человека, за которым охотились убийцы, и объяснил ему ситуацию. Однако мужчина отказался двигаться со своего места. Он сказал: «Я устал». Ник был потрясен таким поворотом событий и решил покинуть город.

Когда Чжухо читал эту простую историю, он думал о перспективе каждого персонажа. Он присоединился к Нику в его сопротивлении. Он ждал убийц рядом с человеком, который отпустил все. Чжухо попытался сделать шаг назад, как первый человек, а также попытался убить человека, принимая такую иррациональную культуру. Все было возможно. Это был Хемингуэй. Он был впечатляющим. Дон Гиль, должно быть, имел подобный опыт.

— Какой была ваша первая книга о Хемингуэе? — спросил его Чжухо.

— «Снега Килиманджаро». Хемингуэй написал книгу после поездки в Африку. — Глаза Дон Гиль сверкнули, и он продолжил: — Когда я узнал об этом, мне показалось, что я впервые разгадал секрет живости этой книги.

— В романе он довольно много размышлял о своем собственном опыте.

Дон Гиль кивнул.

— Верно. Например, влюбленность.

— Прощай оружие.

— Однажды он отправился в Испанию, чтобы стать свидетелем гражданской войны в Испании.

— «По ком звонит колокол».

Все его книги были названы в честь его реального жизненного опыта. Дон Гиль, похоже, был удовлетворен ответом Чжухо. Должно быть, он был счастлив, что они говорили на одном языке. Возможно, он все-таки не был таким уж сложным человеком.

Дон Гиль продолжил с довольным выражением лица:

— Даже лаконичность его письма исходит из его журналистского опыта. Он человек, который использует свой жизненный опыт в качестве основы для своих книг.

Дон Гиль описал свое впечатление от Хемингуэя как «человека, который ничего не теряет». Он был таким же. Хемингуэй чувствовал себя человеком, который в свободное время составит странный список для написания.

— Кстати говоря, разве вы не были журналистом в прошлом, господин Ом?

Подслушав разговор, вмешался Нам Гён. Чжухо никогда не слышал, что Дон Гиль когда-то был журналистом. Если бы он был, это был бы общеизвестный факт. Чжухо подумал, что его жесткость каким-то образом подходит ему для этой работы. Журналист или репортер мог в настоящее время произвести негативное впечатление, но работа всегда заключалась в том, чтобы сообщать правду.

— Это постыдное прошлое. Как ты узнал?

— Однажды я встречался с господином Аном, чтобы попросить рукопись.

— Этот мой приятель всегда говорит глупости. У него такой невнятный стиль письма. Как будто он смоделировал его по своему собственному характеру. Мне плохо, когда я читаю его.

— Правильно ли это? Мне очень понравилось читать.

Его критика имела край к этому. Как будто он привык к личности Дон Гиля, Нам Гён ответил в мгновение ока. Дон Гиль казался слишком искренним в своем отвращении, чтобы думать, что он шутит.

— Какой г-н Ан?

— Он носит спортивные штаны круглый год. У него неразвитое чувство моды.

Не похоже, чтобы Дон Гиль сказал что-то хорошее о своем друге. Чжухо решил перестать задавать вопросы. С другой стороны, Нам Гён смеялся, как будто его позабавила шутка.

Чжухо сменил тему:

— Я не знал, что вы когда-то были журналистом.

— Я никому не говорю о себе.

Он сказал, что стесняется этого.

Пока Чжухо не решался говорить, он подумал:

«Что заставляет человека стыдиться того, что он журналист?»

Дон Гиль продолжил, как будто это не имело большого значения:

— Я начал работать журналистом, но на следующий день уволился.

Затем Чжухо без колебаний спросил:

— Как так?

Было логично, чтобы это не было широко известным фактом. Увольнение на следующий день означало бы, что он ушел еще до того, как получил служебное удостоверение.

— Ну, у меня есть свои причины, но, в конце концов, я увидел, что в будущем уйду. Я чувствовал, что задыхаюсь, потому что это было очень скучно. Я подумал, что мог бы лучше использовать свое время. Я стал журналистом, потому что сейчас нет денег на написание книг, но это было ошибкой. Я не ставил себя в приоритет в своем решении.

Затем он уверенно продолжил:

— Независимо от того, как изменилось время, я понял, что у меня есть способность выжить. Я тоже был молод. Хотел поддержать это предвзятое общество.

Несмотря на то, что он сказал, у Чжуху не было впечатления, что он высокомерный. Он описал себя так, как будто констатировал очевидное. Для автора бестселлеров его самооценка никоим образом не была чрезмерной. Он изо всех сил старался понять себя объективно. Вот оно. Он не был похож на Хемингуэя.

— Вы не такой, как Хемингуэй, — подумал Чжуху вслух.

Дон Гиль на мгновение замолчал. После недолгого молчания он спросил:

— Что это значит?

— У него была привычка преувеличивать, чтобы скрыть свою слабую и робкую личность.

В этом случае Дон Гиль определенно не был похож на Хемингуэя. Хемингуэй был легендарным своим пьянством и претенциозным поведением.

Дон Гиль ухмыльнулся почти как вздох. На мгновение его лицо показалось лицом ребенка, потерявшего невинность.

— Да, верно, — пробормотал он. — Я обнаружил это, когда был примерно в твоем возрасте. Никогда еще я не был так разочарован, даже когда прочитал «Через реку и в деревья».

Среди книг Хемингуэя «Через реку и в деревья» не была хорошо встречена критиками и поклонниками.

— Когда я слышал, как кто-то описал его как волосатую бабенку, одержимую мужественностью, мне было искренне больно. Может быть, даже больше, чем самому Хемингуэю.

Мать Хемингуэя всегда хотела дочь. По этой причине она одела своего сына в девчачью одежду. Была даже история о том, как она представила соседям своего сына как «Эрнестину». Чтобы восстать против нее, он часто выходил на охоту и рыбалку. Он привычно

демонстрировал свою мужественность. Это было началом его претенциозного характера.

Его краткий стиль письма был революционным в то время. Хотя на первый взгляд они казались легкими для чтения, каждая книга была тщательно просчитана. Это было прекрасно. Именно по этой причине Донг Гиль предположил, что личность Хемингуэя подобна его стилю письма.

— После того, как бесчисленное количество людей засвидетельствовали, что он был большим болтуном, я не знал, что думать. Я не мог не чувствовать себя преданным. Моя чувствительность не оставляла меня в покое. Я хотел быть похожим на него, но я больше не хочу быть таким, как он.

В прошлом Дон Гиль провел много времени, размышляя о жизни и выясняя свою личность.

В этот момент он достал из нагрудного кармана блокнот.

— Вот почему я начал составлять этот список, список вещей, которые мне явно нравятся.

Все это имело смысл. Его желание судить объективно исходило от его прошлого разочарования.

«Кто бы мог знать, что за этим странным списком стоит такая история?»

Как только заблуждение разлетелось на куски, открылась другая истина. Правда была болезненной. Это было трудно принять. Тем не менее, в конце концов, он стал преследовать ту же самую истину, и это было потому, что он все еще равнялся на Хемингуэя.

— Что было первым, что вы написали в списке? — спросил Чжухо.

— Хемингуэй, — ответил Донг Гиль.

Чжухо произнес пришедшую на ум фразу: «Человека можно уничтожить, но нельзя победить».

— «Старик и море», — тихо назвал Дон Гиль последним шедевром Хемингуэя.

Эту фразу произнес главный герой книги. Чтобы защитить свой единственный в жизни улов, старик по имени Сантьяго отбивался от акул ценой своей жизни. Затем он сказал:

— Человека можно уничтожить, но нельзя победить.

— Он был человеком, который предпочел бы быть уничтоженным, чем побежденным.

Солнце ярко освещало три слога, написанные в блокноте Дон Гиля.

<http://tl.rulate.ru/book/27516/2224425>